

6. ДУМЫ АРТИЛЛЕРИСТОВ

Два командира – Секмедин и Гонтарь – молча шли на свои позиции. Говорить им не хотелось, а думы были невеселые. Ведь почти пятьсот километров бойцы на себе тянули пушки и гаубицы. Любили и берегли их, как мать бережет свое родное дитя... А теперь их надо уничтожить своими собственными руками. И как объяснить это бойцам? С каким чувством будут уничтожать они своих верных друзей? Наконец, Секмедин не выдержал и заговорил:

– До чего же тяжело будет выполнить данное поручение... Ведь сейчас нам надо будет казнить своих любимцев...

Гонтарь сочувственно взглянул на друга и тяжело вздохнул:

– Да... Но ничего не поделаешь, дорогой. Видимо, ночью двинемся в путь, - сказал он и зашагал быстрее.

Артиллеристы приступили к выполнению распоряжения генерала. Людям не хотелось верить в эту страшную действительность. Когда они вкладывали заряды в дула пушек и гаубиц и накрепко забивали их пыжами, делали это как-то механически, повинаясь воле командиров и как-то особенно не задумываясь над последствиями. Им было больно расставаться с друзьями, многие не понимали причин, вызвавших эту операцию, но работали артиллеристы, как всегда, аккуратно и слаженно. И вот минуты прощания настали. Заряды были заложены в самую пасть боевых друзей, а потом последовала команда Секмедина, люди ушли в укрытие, и в поле на минуту все замерло.

Трагедия началась с громового удара. Когда все свершилось, последовала команда:

– Все наверх к орудиям!

Бойцы выскочили из убежищ, но тут же остановились и медленно двинулись туда, где теперь стояло густое облако черного дыма и пыли. Не стесняясь друг друга, они плакали, жалея своих боевых друзей, с которыми так много было пройдено дорог. Это была трагедия людей, любящих Родину...

Бойцы молча подходили к пушкам, внимательно рассматривали развороченные стволы, ощупывали острые края, тушили дымящуюся краску.

Командир орудия Карпов медленно ходил вокруг пушки, затем вынул носовой платок и начал смахивать с нее пылинки и копоть. Потом подошел к замку, снял каску, поцеловал то место, где стоял номер и тихо проговорил:

– Прощай, мой любимый и верный товарищ...

И заплакал. Бойцы тоже подошли, остановились по обе стороны от лафета и, сняв каски, склонили головы. Слезы текли по их закопченным лицам.

Бойцы старались как можно нежнее дотрагиваться до орудий, словно боялись причинить им боль. Люди осторожно переносили все то, что нужно было спрятать, укладывали в ямы и, маскируя, засыпали землей... Так совершались похороны того, с чем долгое время безраздельно была связана жизнь и любовь артиллеристов.

Командир и комиссар полка, Гонтарь и Липецкий, оба маленького роста, закопченные дымом, сидели в эти минуты на лафете первого орудия, придавленные горем, и наблюдали за происходящим.

Впереди и справа вдоль опушки леса горели машины. Густой едкий дым заполнял лес и делал его непроглядным и страшным. Развороченные стволы изуродованных пушек грозно смотрели в ту сторону, куда четыре часа тому назад они яростно выбрасывали последние снаряды. А на поле, где сейчас хоронили орудия, стояла и лежала побитая и измятая войной созревшая золотая пшеница.

Гонтарь медленно встал с лафета и тихо сказал комиссару:

– Все! Больше нам здесь делать нечего. Идем, нас ждут.

В последний раз взглянув на искалеченные пушки, командир и комиссар пошли в лес на командный пункт генерала.

В гаубичном полку происходило то же самое. Когда все было окончено, бойцы колонной двинулись на сборный пункт, находящийся недалеко от штаба. В голове колонны шли командир и комиссар полка. По выражению лиц идущих людей было видно, насколько морально и физически тяжелую работу пришлось им выполнить. Они шли молча и только вздыхали. Никто не смог прервать молчание.

Лес заволакивало дымом. Воздух был пропитан керосином и пережженным маслом. Полк, который по численности равнялся дивизиону, колонной по два человека подходил к дому лесничего.

Секмедин обернулся, посмотрел на обгоревшие остовы машин и, обращаясь к комиссару, проговорил:

– Что-то очень тяжело мне, друг мой. Вот иду сейчас и вспоминаю всю нашу жизнь, начиная с дня рождения дивизии. Жили, работали, и вдруг все сразу оборвалось. Впереди полная неизвестность. Раньше работали и не уставали. На душе было приятно, тепло и радостно. Домой, бывало, придешь – настроение хорошее, в семье тихо, спокойно, уютно, все располагает к отдыху. Одним словом, жили и жить хотелось. А теперь...

Командир вздохнул и совсем тихо добавил:

– Мне кажется, что вместе с гаубицами я похоронил все хорошее, что было в прошлом, и даже самого себя. Душа разрывается от боли, а впереди одна пустота.

Секмедин покачал головой и, как бы подводя итог, проговорил:

– Тот, кто благополучно выйдет из этого огня, тот навеки прославит силу духа Советского воина!

Комиссар посмотрел на командира и, заметив заблестевшие на его ресницах слезы, тихо и в то же время твердо сказал:

– Еще не все потеряно! Мы обязательно выйдем из этого пекла! Нет таких крепостей, которых донбассовцы не смогли бы взять...

Дальше они опять шли молча. Спустя несколько минут кто-то в колонне в полголоса затянул песню:

Врагу не сдастся наш гордый отряд,

Орудия в воздух подыдем!
Штыками проложим дорогу себе,
Но Родину мы не покинем!

Несколько голосов поддержали запевалу и песня полилась дальше:

Клянемся же, братцы, священной землей,
Единой семьей будем драться.
Товарищ майор, веди за собой!
За Родину будем сражаться.

Командир и комиссар полка переглянулись и остановились. Колонна тоже остановилась. Командиры внимательно посмотрели в лица людей, окружавших их, и комиссар тихим голосом сказал:

– Спасибо, братцы! Благодарим вас за стойкость! Мы с вами, товарищи! Единой семьей будем пробиваться из этой тьмы на свет!

Добрые серые глаза его излучали любовь к людям. На простом, давно не бритом лице чуть заметно скользнула мягкая отцовская улыбка и комиссар продолжил песню:

И если придется в неравном бою
Сложить свои головы честно,
Родная земля споет песню свою
И народ будет помнить нас вечно!

Комиссар набрал полную грудь воздуха, выпрямился и закончил песню словами:

Родная земля споет песню свою
И народ будет помнить нас вечно!
Клянемся же, братцы, священной земле,
Умрем за свободу мы честно!

Лицо его снова сделалось серьезным и он во весь голос крикнул:

– Смерть фашизму!

В ответ на это над лесом грозно пронёсся ответ артиллеристов:

– Смерть Гитлеру! Да здравствует товарищ Сталин!

Крепко сжимая и подняв над головой винтовку, вперед вышел бомбардир Федоров. Его величественная фигура бывшего шахтера, а теперь комсомольца-артиллериста, казалось, была вылита из бронзы. Он посмотрел на товарищей и богатырским голосом проговорил:

– За наши гаубицы, товарищи! За погибших братьев! За матерей и за нашу землю – гитлеровцы должны заплатить морем крови! Клянемся, товарищи! Клянемся, что мы не посраим честь полка, честь дивизии и честь нашей Родины!

– Клянемся!!! – прогремели над лесом клятвенные слова однополчан...

– Смерть фашизму! – раздался голос Секмедина и призыв этот был подхвачен проходившими мимо людьми полка Гонтаря. Полк остановился и стихийный митинг продолжался. Короткие слова клятвы перед Родиной в этот тяжелый час глубоко оседали в сердцах людей.

Секмедин знаком руки остановил колонну, приказал сесть на землю, подозвал к себе командиров дивизионов и распорядился:

– Людей развести побатарейно в укрытые места, а то одна мина может наделать много горя. Сидеть тихо и выставить наблюдение за лесом. Имейте в виду, что в лесу есть «кукушки». За меня остается начальник штаба, а я отправляюсь к генералу.

Комиссар дал указание политрукам провести беседы о событиях за день и пошел за командиром.

Артиллеристы разделились на группы и укрылись в зарослях. Впереди сквозь редкие сосны виднелось изрытое снарядами и окопами серое поле, по которому перемещались бойцы с ящиками патронов и санитары с носилками. Изредка над головой пролетали снаряды и мины, падали где-то за лесом и оттуда во все стороны разносились звуки глухих ударов и вздрагивала земля.

Солнце скрылось за горизонтом. Голубое небо начало быстро темнеть, делалось темно-синим и от этого в лесу становилось еще темнее. Сам лес внешне выглядел мертвым и пустым, но это было не так. Внутри него скрывались люди, лошади, орудия... Дым, придавленный вечерней лесной сыростью, медленно расползлся по всему лесу, от чего все вокруг становилось загадочнее и тревожнее. Небо над Подвысоким было свинцово-тяжелым, но безоблачным и обещало хорошую и пригодную для работы ночь.

Командир огневого взвода Иван Кузьмин, облокотившись на куст ельника, смотрел на небо и, казалось, совсем не слушал того, о чем говорил политрук. Его черное от копоти лицо было задумчивым. Вчера его приняли в партию и он был под впечатлением от этого радостного для него события. Вспоминались ему справедливые слова его товарищей, которые по-деловому оценивали его работу. Одни подмечали недостатки, ошибки, другие говорили о его положительных качествах, отмечали победы. На этом памятном для него собрании Кузьмин впервые посмотрел на себя и на свои поступки со стороны. Он впервые почувствовал себя полноценным звеном в общем коллективе крепко спаянной семьи всей батареи. На душе у него было сейчас тепло и радостно. Он коммунист! Кузьмину вспомнилась вся его жизнь. Далекый Донбасс, шахты. Затем училище в Москве, Белгородка под самым Киевом... Вспомнилась ему его первая любовь – невеста Галочка. Командир закрыл глаза и увидел её, как будто наяву, как видел её в последний раз стоящей в прекрасный майский день под яблоней. Она стоит вся в белом, как голубка, опираясь на горбатый ствол яблони, смотрит ему в глаза и улыбается той детской и нежной улыбкой, от которой сердце пламенеет и кровь бурлит. Две светлые толстые косы свисают до самого пояса. Она нежно смотрит на Ивана своими ясными и добрыми глазами и просит:

– Не забывай меня, Ванечка, пиши, любимый мой...

Говорит, а на черных густых ресницах сверкают слезы, будто капельки утренней росы на солнце. И было это счастье всего три месяца назад... Где она теперь, моя голубка? Кузьмин тяжело вздохнул, посмотрел на товарищей

седовласого отца, который настоящим хозяином с большим ключом уверенно шагает по путям, проверяя паровозы. Веселый, жизнерадостный, счастливый... Где он теперь в эти тяжкие дни? Киев под ударом и немцы вполне могут быть в Ирпене. А если нет – Иван был уверен – отец не струсит, не бросит свой пост до самого конца. Он, безусловно, и теперь, насупив густые брови, ходит и стучит молотком по колесам и буферам, но только уже не так, как раньше, с веселым задором, а с тоской и злобой, нахмурившись и согнувшись от горя. Кузьмин как наяву увидел отцовское сморщенное постаревшее лицо, горящие после бомбежки вагоны, рабочий поселок и в нем старушку – мать, плачущую в дыму. Он вздрогнул, сердце его сжалось, по спине пробежали холодные мурашки. Кузьмин как будто проснулся, посмотрел на своих товарищей и попытался отогнать от себя тяжелые мысли.

Политрук уже заканчивал беседу. Он внимательно оглядел всех бойцов и строгим голосом сказал:

– Времени осталось мало, товарищи... Все готовы к ночным действиям? Проверьте еще раз все необходимое. А как у вас обстоят дела, командир огневого взвода?

– Мой взвод из донбассовцев, товарищ политрук! Все готово. Гранатами подзапаслись, патроны еще есть, а смелость с нами родилась еще в Донбассе! За свой взвод я уверен, – твердо сказал он, посмотрел на командира батареи и добавил:

– А для ночной работы у многих из нас на всякий случай есть еще вот что!

Кузьмин вытащил из-за голенища сапога финку, внимательно посмотрел на нее, поцеловал лезвие и пояснил:

– Мы уже договорились. Весь взвод пойдет впереди всех на охоту. С фрицами надо поступать, как с баранами. Они спать мастера, а нам это на руку. Под лопатку – и в сумку...

– Правильно! – дружно подтвердили бойцы и все рассмеялись.